

ВИОЛЕТТА ВЕСНА

РАЗВОД В 45. ПРЯМОЙ ЭФИР ОКОНЧЕН

Виолетта Весна

Развод в 45. Прямой эфир окончен

<https://litres.ru/74188894>

SelfPub; 2026

Аннотация

В сорок пять Марина Волкова знает: прямой эфир всегда должен идти по сценарию. Но в юбилейном выпуске её муж — лицо семейного канала, который они восемь лет создавали вместе, — объявляет об их разводе. И пока зрители обсуждают «честное расставание», за кулисами уже готова женщина, которой отдали Маринино место.

За несколько минут Марина теряет брак, работу и право на собственную версию событий. Чтобы не остаться героиней чужого шоу, она решает впервые выйти из-за камеры: запустить собственный проект, вернуть имя в титры и защитить взрослую дочь, чью боль бывший муж готов превратить в рейтинги.

Рядом оказывается Андрей — независимый продюсер, который видит в Марине не брошенную жену известного ведущего, а талантливую женщину, способную начать заново. Но можно ли довериться мужчине, если их общее дело тоже измеряется договорами, просмотрами и деньгами?

Современный любовный роман о разводе после сорока пяти,
возвращении собственного голоса и любви.

Содержание

ГЛАВА 1. Совместное решение	5
ГЛАВА 2. Не по сценарию	17
ГЛАВА 3. Что принадлежит мне	29
ГЛАВА 4. Последний день за кадром	41
ГЛАВА 5. Лицо проекта	51
ГЛАВА 6. Дочь не обязана	63
ГЛАВА 7. Запас в восемь недель	75
ГЛАВА 8. Первый дубль	85
Конец ознакомительного фрагмента.	87

Виолетта Весна

Развод в 45. Прямой эфир окончен

ГЛАВА 1. Совместное решение

Марина

За восемнадцать минут до эфира Сергей решил заменить слово «выдержали» на «сохранили».

— «Мы сохранили друг друга за двадцать три года», — прочитал он с суфлёра и повернулся ко мне. — Так теплее.

Я стояла за второй камерой с планшетом, на котором уже была открыта четырнадцатая версия сценария.

— Сохраняют чеки и резервные копии. Людей всё-таки выбирают.

— Тогда «сберегли».

— Ещё теплее. Почти вклад с капитализацией.

Сергей улыбнулся. Именно эту улыбку знали зрители «Семьи вслух»: терпеливую, чуть виноватую, будто он заранее прощал собеседнику неудачную шутку. За восемь лет я описывала её в сценариях по-разному — «улыбнуться жене», «дать тёплую реакцию», «не перебивать». Никогда не писала: «улыбнуться так, чтобы человеку захотелось проверить,

над чем именно смеются».

— Оставим «выбрали», — сказал он.

Я внесла правку. Через минуту обновлённая строка появилась на двух суфлёрах и контрольном мониторе у режиссёра. Всё работало. Это меня успокаивало.

Студию к юбилейному выпуску переделали под гостиную, в которой никто не смог бы жить. Два кремовых кресла стояли на точных отметках, чтобы не ловить блики от декоративного окна. На столике лежал закрытый фотоальбом: открывать его в кадре мы не собирались, нужные снимки давно загрузили в эфирную программу. В вазе были ветки эвкалипта, потому что обычные цветы рекламный отдел счёл «слишком свадебными». За стеклом аппаратной Костя проверял титры, а Лена, администратор площадки, ползала возле моего кресла и закрепляла кабель петлички.

Обычно я оставалась за камерой. Сегодня Сергей настоял, чтобы юбилей канала мы провели вдвоём. В анонсе стояло: «Впервые Марина Волкова расскажет, как создавалась семья, которую вы знаете».

Формулировку придумала не я.

— Голову, пожалуйста, — попросила Лена.

Я подняла подбородок. Она провела провод под воротом синего жакета и защёлкнула передатчик на поясе. Жакет я выбрала сама, но утром Сергей спросил, не слишком ли цвет «съедает лицо». Гримёр подтвердила, что не съедает. Я всё равно принесла запасной серый и теперь злилась на его ве-

шалку в своей комнате.

Телефон коротко завибрировал на столе. Дарья прислала фотографию университетского коридора и сообщение:

«У нас просмотр до девяти. Включу без звука. Только не ставьте видео с моим первым сентябром, ладно?»

«Не ставим. Там только наши с папой фотографии и заставка нового сезона», — ответила я.

В утверждённом плане детского архива действительно не было. Я проверила это дважды.

— Марина Олеговна, вы в кадр через семь минут, — напомнила Лена.

У входа в павильон появилась Алина Маркова. На ней был тёмно-зелёный брючный костюм, в руке — карточки нового сезона. Я сама попросила её подготовить блок про обновление канала: в последние два года Алина вела бренд-партнёрства и умела превращать любое деловое решение в обещание новой жизни. Сегодня к её лацкану уже крепилась петличка.

— Ты рано, — сказала я. — Твой выход после рекламной паузы, в двадцать одну двенадцать.

Она посмотрела на Сергея. Тот поправлял манжету и будто не заметил.

— Мы немного поменяли порядок, — ответила Алина.

— Где новая отбивка?

— Сергей сказал, Костя знает.

Я открыла эфирный план. В облачном документе по-прежнему стояла моя версия: вступление, история канала,

пять вопросов от подписчиков, короткий ролик, рекламная интеграция, презентация сезона. Последняя правка была мной, в семнадцать сорок три.

— Кость, у тебя другой порядок? — спросила я в гарнитуру.

За стеклом режиссёр отвёл глаза к соседнему монитору.

— Есть дополнительный блок после третьего вопроса. На четыре минуты.

— От кого пришёл?

Сергей снял с подлокотника пылинку, которую камера всё равно не увидела.

— Это мой сюрприз. Юбилейный эфир, Марин. Давай хоть раз не будем репетировать жизнь до запятой.

Три года назад такая фраза заставила бы меня рассмеяться. Теперь я первым делом посмотрела на хронометраж.

— Четыре минуты придётся отнять у интеграции или вопросов. Рекламный блок согласован посекундно.

— У вопросов. Партнёра не трогаем.

Это было разумно. Я ненавидела, когда разумное использовали вместо ответа.

— О чём блок?

— О нас.

До эфира оставалось четыре минуты. В павильон внесли стаканы с водой, Костя попросил проверить звук, в наушнике заговорили сразу два человека. Я могла остановить посадку и потребовать новый текст. В любой другой день так бы

и сделала. Но на странице трансляции уже собирались зрители, партнёр прислал своего наблюдателя, а Сергей был не только ведущим. Он был генеральным директором компании.

И моим мужем двадцать три года.

Я заняла кресло.

— Если уходишь от плана, не втягивай Дарью.

— Господи, конечно. При чём тут Даша?

Он сказал это слишком быстро. Я успела отметить интонацию и тут же занялась микрофоном. Работа всегда предлагала следующую задачу раньше, чем я решалась задать лишний вопрос.

Костя включил обратный отсчёт. Платформа давала десятисекундную техническую задержку, но после начала эфира она помогала только вырезать запрещённое слово или аварийный звук. Удалить уже разошедшуюся запись было нельзя: зрители снимали экран, новостные каналы ставили автоматические записи, а короткие фрагменты появлялись раньше, чем заканчивалась трансляция.

Красный огонёк загорелся над первой камерой.

— Добрый вечер, — начал Сергей. — Сегодня «Семье вслух» восемь лет. А нашей с Мариной семье — двадцать три.

Он легко попал в первую камеру, потом во вторую, где планировался общий план. Я сказала свою реплику о том, как однажды мы снимали выпуск на кухне, потому что арен-

дованную студию затопило. Сергей добавил историю про микрофон, забытый в холодильнике. Это была моя история, но он рассказывал её лучше: точно выдержал паузу, показал рукой размер старого рекордера, засмеялся на полсекунды раньше зрителей, приглашая их присоединиться.

На контрольном мониторе справа текли комментарии. «Марина наконец в кадре!» — успела прочитать я. Потом: «Какая красивая пара». И ещё: «Вот у кого надо учиться сохранять брак».

Я посмотрела на суфлёр.

«Мы не учим сохранять брак, — шёл мой текст. — Мы учимся разговаривать о том, что в нём происходит».

Эту фразу я написала утром. В тот момент она казалась честной.

Мы ответили на вопрос о первой большой ссоре. Сергей рассказал безопасную версию — спор о названии канала. Настоящая ссора случилась из-за того, что он без меня согласовал выпуск о Дарьиных панических атаках перед экзаменами. Тогда дочери было тринадцать. Я остановила съёмку, а через два месяца сама подготовила более мягкий вариант и убедила её, что другим подросткам станет легче. Ролик собрал почти три миллиона просмотров.

Я не хотела вспоминать об этом сейчас. В кадре кивнула и перевела разговор к новому сезону.

После третьего вопроса на суфлёре исчезла моя подводка к ролику.

Появилась строка: «Сергей: личное обращение».

Он поставил стакан точно на круглый след от предыдущей репетиции. Руки у него были спокойными.

— За эти годы мы старались говорить с вами о сложном честно, — произнёс Сергей. — Поэтому сегодня не можем сделать вид, что в нашей собственной жизни ничего не меняется.

Я повернулась к нему. Это движение вошло в общий план; я увидела себя на мониторе — профиль, седая прядь у виска, слишком прямая спина.

— Мы с Мариной приняли непростое, но взрослое решение, — продолжил он. — Наш брак завершён. Мы подаём на развод.

Он сделал паузу там, где по всем правилам полагалось дать зрителю время понять услышанное.

У меня в ухе Костя сказал:

— Третья камера, приготовиться.

Никто не остановил эфир. Значит, блок знали все, кому полагалось нажимать кнопки.

Я посмотрела на Сергея, потому что ждала продолжения, которое исправит предыдущую фразу. Например: «Мы обсуждали это вчера». Или: «Я должен был сказать Марине раньше». Он всегда умел найти рамку, в которой ошибка выглядела трудным, но достойным выбором.

— Мы навсегда останемся родителями и людьми, создавшими этот проект, — сказал он. — А сегодня я хочу пред-

ставить вам Алину. Многие уже знают её по нашим специальным выпускам. Теперь она станет моей соведущей и партнёром в новой главе «Семьи вслух».

Дверь павильона открылась. Алина вошла в свет, дошла до заранее поставленной отметки и села на третий стул, которого пять минут назад здесь не было. Видимо, его держали за декорацией.

Сергей посмотрел на неё уже без ведущей улыбки. Так он когда-то смотрел на меня в маленькой редакции регионального телевидения, когда мы оставались дописывать выпуск после полуночи.

— И человеком, которого я люблю, — добавил он.

На суфлёре включился мой ответ.

«Марина: Мы с Сергеем прошли большой путь и с благодарностью отпускаем друг друга. Для нас важно сохранить уважение, общее дело и любовь к нашей дочери. Я прошу вас поддержать Сергея и Алину так же, как все эти годы вы поддерживали нашу семью».

Текст был написан в моей манере. Даже слово «путь» стояло один раз, а не три, как любил Сергей. Кто-то изучил мои сценарии и собрал реплику, которую я могла бы отредактировать сама.

Костя произнёс в наушнике:

— Марина Олеговна, ваша камера. Через три... два...

Красный огонёк переместился на камеру передо мной.

Я умела читать чужие слова. В прямом эфире это не счи-

талось слабостью — это называлось профессионализмом. Можно было закончить выпуск, потом потребовать объяснений, позвонить юристу, договориться о формулировках. Можно было защитить команду, рекламный контракт и восемь лет работы одним абзацем.

Сергей чуть подался ко мне. Не коснулся, только подсказал движением: начинай.

— Нет, — сказала я.

В наушнике кто-то задел микрофон, и по связи прошёл короткий треск.

Я сняла гарнитуру с левого уха, чтобы слышать собственный голос без Костиного счёта.

— Мы с Сергеем не принимали совместного решения. О разводе и об Алине я узнала сейчас, вместе с вами.

Алина перевела взгляд на Сергея. Её карточки остались лежать на коленях ровной стопкой.

— Марина, — сказал он мягко. — Я понимаю, что тебе трудно...

— Не объясняй зрителям, что мне трудно. Скажи, почему ты сообщил жене о разводе в эфире.

На контрольном мониторе комментарии уже невозможно было читать по одному. Строки двигались сплошным потоком. Число зрителей прибавлялось сотнями при каждом обновлении.

Сергей повернулся в первую камеру.

— Друзья, вы видите очень личный и непростой момент.

Пожалуйста, дайте нам время...

— Костя, заканчивай эфир, — сказала я.

Сергей поднял ладонь в сторону аппаратной:

— Работаем.

Этой команды было достаточно. Он был генеральным директором; я — креативным продюсером, которого посадили в кресло. Красная лампа продолжала гореть.

Тогда я наклонилась к столу, отстегнула петличку и положила её рядом со стаканом. Лена побледнела: включённый микрофон нельзя было бросать на твёрдую поверхность. Я удержала его пальцами, чтобы не было удара.

— У вас есть подготовленный текст за меня, — сказала я.

— Значит, мой живой ответ для этого сценария не нужен.

Я встала и вышла из кадра.

Костя переключился на общий план, но в нём остались Сергей, Алина и пустое синее кресло. Через четыре секунды на мониторе появилась заставка «Технический перерыв». Ещё через десять — рекламный ролик партнёра. Интеграцию всё-таки не тронули.

За декорацией меня догнала Лена.

— Марина Олеговна, передатчик.

Я сняла его с пояса и отдала. Пальцы слушались; только застёжка никак не выходила из петли, и Лене пришлось помочь.

— Вы знали? — спросила я.

— Про личное обращение — да. Что внутри, нет. Нам да-

ли закрытый файл и тайминг.

Она говорила быстро и смотрела на дверь павильона. Я не стала требовать от неё верности. В компании генеральным директором был Сергей, а зарплату Лена получала не за участие в нашем браке.

В редакционной комнате на моём столе лежали распечатки вопросов, зарядка и запасной серый жакет. Телефон показывал сорок семь уведомлений. Пока я шла по коридору, стало шестьдесят два.

Первым было сообщение Дарьи: «Мам, что это?»

Следом — ссылка от незнакомого номера. Кто-то уже выложил тридцатисекундный фрагмент с заголовком «Жена ведущего узнала о разводе в прямом эфире». На стоп-кадре моё лицо застыло перед словом «нет».

Я закрыла ссылку. Ответить дочери одним предложением не получалось, а готового текста у меня больше не было.

У дверей редакции стоял сотрудник службы безопасности. Мы здоровались почти каждое утро, но имени его я не помнила — пропусками обычно занималась Лена.

— Марина Олеговна, извините, — сказал он. — Распоряжение руководства: временный студийный пропуск нужно сдать до отдельного решения по доступу.

— Трудовой договор тоже перестал действовать во время рекламы?

— Мне про договор ничего не сообщали. Только про пропуск.

Он не протянул руку и не загородил дверь. Просто ждал, явно желая оказаться в любом другом месте.

— Личные вещи я могу забрать?

— Сегодня — сумку и одежду. По кабинету нужно будет отдельно согласовать с администрацией.

Даже это уже оформили как процедуру. Значит, решение принимали до эфира.

Я сняла пластиковую карту с синего шнурка. На фотографии мне было тридцать восемь; тогда мы переехали в этот офис и Сергей настоял, чтобы на пропусках указали только имя и должность. «Марина Волкова. Креативный продюсер».

Карту я отдала. Шнурок сложила и убрала в сумку.

ГЛАВА 2. Не по сценарию

Марина

После того как я сдала пропуск, Сергей заставил меня ждать одиннадцать минут.

Я засекала время не из принципа. Нужно было решить, вызывать такси или успею на метро, а карта от турникета уже лежала у сотрудника охраны. Меня посадили в маленькую переговорную рядом с ресепшеном, куда обычно приводили курьеров с неподписанными накладными. На столе стояла рекламная конструкция с нашей фотографией: Сергей держал чашку, я смотрела на него и смеялась. Подпись обещала научить зрителей «разговаривать до того, как станет поздно».

Я развернула конструкцию фотографией к стене.

Телефон продолжал собирать уведомления. Я отключила предварительный просмотр сообщений, оставив звонки от Дарьи. Ей написала: «Я не знала. Я дома через час. Пожалуйста, не отвечай никому».

Сообщение прочиталось сразу. Ответа не было.

Сергей вошёл без пиджака, закрыл дверь и положил на стол два телефона. Один был его личный, второй — эфирный, с которого сотрудники следили за комментариями. На обоих экраны загорались почти непрерывно.

— Ты могла хотя бы не уходить из кадра.

— Ты мог хотя бы сообщить мне о разводе без зрителей.
Он сел напротив. Между нами осталась перевёрнутая фотграфия.

— Я собирался поговорить после эфира.

— После объявления?

— До объявления ты бы сорвала выпуск.

— Да.

Мой ответ сбил его сильнее, чем спор. Сергей провёл ладонью по волосам и посмотрел на дверь, словно там находилась более удобная версия разговора.

— Мариш, мы оба знаем, что брака давно нет.

— Не называй меня так.

— Хорошо. Марина. Последние три года мы обсуждали сетку чаще, чем нашу жизнь. Спали в одной комнате, если не было позднего монтажа. Отпуск планировали вокруг рекламных размещений. Неужели для тебя сегодняшний разговор стал полной неожиданностью?

— Сегодняшний — да. Потому что ты разговаривал не со мной.

Он хотел перебить, но я открыла на телефоне заметки. Когда факты стояли списком, мне было легче не принять чужую подачу за событие.

— Сколько длится ваш роман?

— Полгода.

— Алина знала, что ты скажешь сегодня?

— Она знала, что мы объявим о разводе.

— Она знала, что я не знаю?

Сергей задержался с ответом.

— Я говорил ей, что мы всё обсудили.

— То есть соврал обеим.

— Не упрощай.

— Для сложной версии у тебя был дополнительный блок на четыре минуты. Рассказывай.

Он отодвинул один из телефонов. На экране успел появиться заголовок сообщения от рекламного отдела: «Срочно: позиция бренда».

— Каналу всё равно пришлось бы объяснять, почему мы больше не появляемся вместе. Если бы вышел слух про Алину, нас бы месяц ловили по парковкам. Я хотел сразу задать взрослую рамку: без грязи, без войны, с уважением к общей работе.

— Поэтому написал за меня согласие.

— Я написал текст, который защищал тебя.

Я посмотрела на перевёрнутую конструкцию. Логотип «Семьи вслух» отражался в лакированном столе, но наши лица исчезли.

— От чего?

— От унижения. От жалости. От комментариев, которые теперь всё равно будут.

— Ты поставил меня перед камерой рядом со своей любовницей и подготовил защиту от унижения.

— Я знал, что ты удержишь эфир.

Он произнёс это почти с уважением. Я двадцать три года считала его уважение к моей работе одной из форм любви. Теперь обнаружила в нём ещё одно значение: уверенность, что я закончу любой его провал.

Дверь открылась на несколько сантиметров. Алина осталась на пороге.

— Сергей, партнёры ждут на линии.

Он не обернулся.

— Дай нам десять минут.

Алина посмотрела на меня. Без студийного света она казалась уставшей и моложе не выглядела — просто женщиной, которая пришла на заранее назначенный выход и получила другой эфир.

— Мне он сказал, что вы договорились, — произнесла она.

— Алина, не сейчас, — резко сказал Сергей.

— Сейчас как раз время уточнять формулировки, — ответила я. — Только не здесь.

Она кивнула и закрыла дверь. Я не знала, верить ли ей, и не собиралась решать это в комнате с Сергеем.

— Что будет с моей работой? — спросила я.

Он заметно расслабился. Деловой вопрос возвращал нас к привычному распределению ролей.

— Ничего не обязано меняться. Ты остаёшься креативным продюсером до конца переходного периода. Потом можем оформить постоянное авторское сотрудничество. Уда-

лѐнно, без планѐрок с Алиной. Гонорар достойный. Публично скажем, что ты сосредоточилась на новых форматах.

— То есть я продолжу писать тебе вопросы, а она будет их задавать.

— Ты никогда не хотела быть ведущей.

— Сегодня ты очень уверенно распорядился тем, чего я не хотела.

— Это работа. Канал не должен исчезнуть из-за нашего развода.

— Наш развод пока существует только в твоём эфире.

— Завтра подадим заявление. У нас нет несовершеннолетних детей, затягивать бессмысленно. Имущество обсудим спокойно. Я не собираюсь отнимать у тебя квартиру.

«У тебя квартиру» прозвучало так, будто он уже распределил то, что мы покупали вместе. Я добавила в заметку: квартира — документы.

— Ничего не присылай мне сегодня на подпись.

— Я и не собирался.

— И никаких заявлений от моего имени. Ни про развод, ни про работу, ни про Алину.

— Пресс-релиз нужен до полуночи.

— Пиши от своего имени.

Он взял оба телефона. Разговор для него закончился, потому что я перестала быть полезной в срочной задаче.

— Машина внизу. Тебя отвезут.

— Я вызову такси.

— Не устраивай демонстрацию.

— Я выбираю, в чью машину садиться. Привыкай.

Фраза получилась слишком ровной, как реплика после трёх дублей. Я всё равно её не исправила.

Сотрудник охраны провёл меня через турникет своим пропуском. В машине я положила запасной жакет на колени и открыла видео дочери. Дарья не звонила, поэтому я нажала вызов первой.

Она ответила на шестом гудке.

— Ты где?

— Еду домой. А ты?

— Пока в институте.

В трубке было тихо, но я слышала голоса и стук закрывающихся шкафчиков.

— Я написала правду. Я ничего не знала.

— Я поняла.

— Папа сказал, что...

— Мам, не надо мне его пересказывать.

Я замолчала. В окне такси двигались огни Ленинградского проспекта. Водитель убрал звук радио, хотя я его не просила.

— Хорошо. Что тебе сейчас нужно?

— Чтобы вы оба перестали делать из меня последнюю серию сезона.

— Я тебя никуда не втяну.

— Ты уже написала, чтобы я никому не отвечала.

— Потому что журналисты могут...

— Я знаю, кто может мне написать. Мне двадцать лет.

Дарья говорила быстро, почти не оставляя промежутка для ответа. Так бывало, когда она боялась, что взрослый успеет превратить её мысль в более удобную.

— Ты права, — сказала я. — Решай сама. Я только прошу: не отвечай сразу, если не хочешь.

— Вот так лучше.

— Ты будешь дома?

— Заберу вещи и поеду к Лизе.

— Зачем?

— Потому что папа придёт собираться, ты будешь выяснять отношения, а потом кто-нибудь напишет, что дочь поддержала маму. Я никого сегодня не поддерживаю.

— Даша...

— И не говори в эфире, что делаешь всё ради меня. Пожалуйста.

Она отключилась.

Я попросила водителя остановить у круглосуточного супермаркета. Купила воду, хлеб, сыр и четыре йогурта — привычный набор после поздней смены. На кассе поняла, что Дарья не будет завтракать дома, а Сергей, вероятно, тоже. Вернуть продукты было можно, но за мной уже стояли люди. Я оплатила покупку и убрала чек в сумку.

Дарья встретила меня в прихожей с рюкзаком и небольшим чемоданом. На ней была университетская толстовка,

волосы собраны карандашом. Рядом стоял пакет с графическим планшетом.

— Надолго? — спросила я.

— Не знаю. Лиза сказала, сколько надо.

— У неё родители не против?

— Она снимает квартиру с девочкой. Ты была у них весной.

Я была. Просто продолжала задавать вопросы, потому что один из них мог задержать дочь на десять минут.

— Деньги есть?

— Есть. Если понадобятся, скажу.

— Я могу заказать такси.

— Уже заказала.

Она проверила карман рюкзака, потом посмотрела на серый жакет в моих руках.

— Ты правда не знала?

— Правда.

— Я думала, у него кто-то есть. Он последние месяцы включал экран, когда я подходила. Но про эфир не знала.

— Почему ты мне не сказала?

— Потому что у меня не было доказательств. И потому что это ваш брак. Вы же всегда говорили, что умеете разговаривать.

Последнее предложение она произнесла без насмешки. От этого оно прозвучало хуже.

Домофон сообщил, что такси приехало. Я взяла ручку её

чемодана; Дарья удержала его.

— Я сама.

— Напиши, когда доедешь.

— Напишу. Только не звони Лизе проверять.

— Не буду.

Мы обнялись неловко: между нами оказался рюкзак. Потом двери лифта закрылись, и я осталась с хлебом, сыром и четырьмя йогуртами.

Сергей приехал через двадцать минут. Открыл дверь своим ключом и сразу прошёл в спальню. Я сидела за кухонным столом с ноутбуком. На экране был личный кабинет банка.

— Даша где?

— У подруги. Не хочет встречаться ни с тобой, ни со мной.

Он остановился.

— Ты отпустила её ночью?

— Ей двадцать лет. Она сообщила, куда едет.

— Можно было хотя бы позвонить мне.

— У тебя были партнёры на линии.

Сергей ничего не ответил и ушёл в спальню. Оттуда донёсся звук выдвигаемых ящиков. Я вернулась к своим делам.

На личном счёте было четыреста восемьдесят две тысячи шестьсот рублей. Я скачала выписку за год и сохранила её в личное облако, к которому корпоративная почта не имела отношения. Потом поменяла пароли от личной почты, банка, облака и социальных сетей, включила вход по коду

на новом приложении. Рабочие аккаунты не трогала. Даже служебную почту не открывала: после ограничения доступа любая попытка могла стать отдельной историей, написанной уже без меня.

В шкафу над холодильником стояла папка с копиями документов. Я разложила на столе договор покупки квартиры, старую банковскую выписку по семейным накоплениям, свидетельство о браке, копию свидетельства о наследстве на квартиру Сергея, документы на автомобиль и свой трудовой договор. Оригиналы части бумаг хранились в банковской ячейке, доступ к которой требовал отдельной проверки. Я записала это, не пытаясь ночью понять условия.

В спальне застегнулся чемодан.

Сергей вышел с одеждой на плечиках, ноутбуком и несесером. На дне чемодана уже лежали вещи. Значит, хотя бы часть он собрал заранее.

— Я поживу в маминой квартире, — сказал он. — Машину беру, она нужна для работы. По остальному договоримся.

— Завтра пришли письменно, что именно ты предлагаешь.

— Ты теперь всё будешь оформлять протоколом?

— То, что касается денег, жилья и работы, — да.

— Ты можешь остаться здесь. Я не собираюсь менять замки.

— Это и моя квартира.

— Я знаю.

На этот раз он сказал без спора. Возможно, устал; возможно, уже посоветовался с кем-то. Я не умела видеть мотив по двум словам и записала только факт: ключи у Сергея оставались.

— Марина, предложение по каналу в силе. Не принимай решений из-за сегодняшних комментариев. Через неделю всё уляжется.

— Ты подготовил мой ответ, мой уход и свой переезд. Моё решение подождёт человека, который работает на меня.

— Юриста?

— Да.

— Ингу?

Он помнил её с университетских встреч и никогда не любил, как быстро она отделяла его доводы от обаяния.

— Это тоже обсудим с Ингой.

Сергей взял чемодан и пакет с рубашками. Я не пошла провожать. Через минуту входная дверь закрылась, потом в замке ещё раз повернулся ключ: он проверил, что запер.

Ночью я не спала. К двум часам уведомлений стало больше тысячи, и я выключила телефон, оставив звук только для Дарьи. Она прислала: «Доехала». Я ответила одним словом: «Спасибо».

В семь сорок телефон сообщил о новом действии в подтверждённой учётной записи. Сергей начал электронное совместное заявление о расторжении брака и указал мои данные. Сервис предлагал мне проверить сведения, выбрать от-

дел ЗАГС и подтвердить участие. Внизу стояло предупреждение: заявление не будет подано, пока второй супруг не выполнит свою часть.

Я закрыла страницу.

В восемь десять написала Инге Беляевой: «Нужна консультация по разводу, имуществу, трудовому договору и служебным сценариям. Срочно, но без ночных подвигов. Когда можешь?»

Она ответила через три минуты: «Завтра в десять. Сегодня ничего не подписывай, не удаляй и не публикуй. Собери документы, которые у тебя уже есть законно».

Я подтвердила встречу, открыла новый файл и назвала его «Список».

Сначала написала: «Что он сделал».

Удаляла заголовок долго, по одной букве.

Новый был короче: «Имущество и обязательства».

Квартира. Накопления. Автомобиль. Доля в ООО. Зарплата. Трудовой договор. Сценарии. Банковская ячейка. Ежемесячная помощь Дарье. Коммунальные платежи. Налоги.

В отдельной строке я поставила: «Не подтверждать заявление до консультации».

ГЛАВА 3. Что принадлежит мне

Марина

Инга начала консультацию с вопроса, который я два дня старательно обходила.

— Чего ты хочешь получить?

Я поставила папку на край её стола. За ночь она стала толще: я добавила паспорт, распечатанную банковскую выписку, старую оценку квартиры для страховой и свою должностную инструкцию. В приёмной мне предложили чай, но я взяла воду — с чашкой пришлось бы следить ещё и за руками.

— Половину того, что наше. Свою работу. Возможность не видеть его.

— Последнее в договор не запишешь. Первые два пункта разбираем отдельно. И ещё раз: чего ты хочешь, а не что, потвоему, положено отнять у Сергея в наказание?

Инга Романовна Беляева была моей однокурсницей, но за рабочим столом дружескую часть имени убирала первой. В жёлтом блокноте она уже начертила четыре колонки: семья, имущество, работа, права.

— Я не хочу его наказывать, — сказала я.

Она посмотрела поверх очков.

— Отлично. Значит, ролик «кто на самом деле создал Сергея Волкова» из твоего ночного сообщения мы не записываем.

— В половине четвёртого люди говорят неточно.

— Поэтому в половине четвёртого ничего не публикуют.

Она протянула руку к папке.

— Разрешаешь сделать копии для дела?

— Да.

Инга нажала кнопку вызова и попросила помощника отсканировать только документы из прозрачных файлов, не трогая мои заметки. После этого развернула монитор так, чтобы я видела таблицу.

— Начнём с простого. Брачного договора нет. Квартира приобретена в браке. Машина приобретена в браке. Накопления сформированы в браке. Это не означает, что завтра тебе выдадут половину каждого предмета. Это означает, что всё нужно зафиксировать, оценить и либо разделить соглашением, либо спорить в суде.

— Доля в компании оформлена на Сергея.

— Оформлена. Но её стоимость росла в браке. Нужны документы, реальная оценка и сведения о долгах общества. Участником ООО ты автоматически не становишься; вопрос может решаться деньгами или другим имуществом.

— Документы у него.

— Часть запросим законно, часть получим в переговорах. Не пытайся войти в его кабинет или внутренние системы.

— Я не заходила даже в рабочую почту, — сказала я.

— Правильно. Зафиксируем ограничение доступа и запросим письменное основание. Пропуск забрали — трудо-

вой договор не исчез. Сегодня уведомим с личной почты, что ты готова работать и просишь сообщить порядок доступа.

— Они посадят меня рядом с Алиной редактировать новый сезон.

— Это неприятно. Но сначала получим документы, потом решишь, как уходить и на каких условиях. Твой муж — генеральный директор. Он не может уволить тебя семейным объявлением, зато может предложить соглашение сторон. Мы будем смотреть цену и формулировки.

Цена. Формулировки. Я записала оба слова, хотя знала их значение до консультации. Здесь они обозначали другое: возможность не отвечать немедленно.

Инга открыла мою должностную инструкцию.

— Сценарная разработка, редактура, подбор героев, подготовка интервью, контроль драматургии, интеграции. Всё это входило в трудовую функцию?

— Да.

— Сценарии создавались по заданиям компании и использовались в выпусках?

— Конечно. В этом состояла работа.

— Тогда по общему правилу исключительное право на служебные произведения принадлежит работодателю, если договоры не установили другое. Ты остаёшься автором своих текстов. Право авторства у тебя никто не забирает. Но взять восемь сезонов, поменять заставку и выпустить их под новым названием нельзя.

Я закрыла блокнот.

— Подожди. Там мои вопросы. Мои истории. Мои формулировки.

— Авторство и исключительное право — разные вещи.

— Удобно.

— Иногда удобно работодателю. Иногда автору, которому платили зарплату, пока проект не приносил денег. Сейчас нам не нужно решать, справедлива ли вся система. Нужно понять, что мы можем доказать и чего хотим получить.

Я встала и подошла к окну. Восемь лет я хранила версии каждого выпуска: вопросы, досье, фактчек, места, где нужно остановиться, если человек передумает. Сергей запомнил красивую подводку. Я помнила, почему она стояла после третьего ответа.

— Значит, у меня ничего нет, — сказала я.

— У тебя есть профессия, опыт и право создавать новое. Есть право на имя там, где авторство можно подтвердить. Отдельные материалы вне служебных заданий проверим по одному. Не путай «мне принадлежит файл» с «я умею сделать работу».

Я вернулась к столу.

— Сергей скажет, что вся работа командная.

— Она и была командной.

— А моё имя почти нигде не стоит.

— Тогда будем собирать версии, письма, титры, задания, свидетельства коллег. Законным способом. Но если твоя

цель — новый проект, быстрее и безопаснее создать отдельное название, структуру, оформление, музыку и героев. Не копию «Семьи вслух» с тобой в кресле Сергея.

Эту картину я уже успела представить. Моё синее кресло вместо кремового. Первый выпуск — подробный разбор юбилейного эфира. На экране слева готовый ответ, справа моя настоящая реплика. Внизу даты правок. Я могла объяснить каждый шов его постановки.

И всё равно центром кадра оставался бы Сергей.

Инга перевернула страницу блокнота.

— Теперь развод. Ты хочешь оставаться в браке?

— Нет.

Ответ вышел раньше, чем я успела проверить его на последствия.

— Хочешь использовать согласие на развод как условие имущественной сделки?

— Нет. Он объявил, что брак закончен. В этом он не ошибся.

Произнести последнее было труднее, чем назвать полгода его романа. Измену можно было поставить в календарь. Наше исчезновение из собственного брака даты не имело.

— Тогда можно подтвердить совместное заявление, — сказала Инга. — Регистрация будет не раньше чем через месяц. Имущество за это время не обязано быть разделено. Не связывай два процесса только потому, что Сергей попытался связать всё одним эфиром.

Я открыла сервис на телефоне и проверила каждую заполненную строку. Доступное время регистрации стояло на девятое октября, одиннадцать сорок. Сервис предупреждал о пошлине и подтверждении второго супруга.

— Если сейчас нажму, я соглашусь с его версией про совместное решение?

— Ты согласишься расторгнуть брак. Вчерашняя запись никуда не исчезнет, и совместного решения задним числом не создаст. Но нажимай только потому, что сама этого хочешь.

Я выбрала дату и подтвердила свою часть заявления.

Телефон показал, что сведения направлены на дальнейшую обработку. Никакой музыки, никакой финальной заставки. Обычное уведомление с номером заявки.

Инга записала номер.

— Что теперь?

— Сегодня отправляем работодателю уведомление и запрос документов. Сергею — короткое письмо: имущественные предложения только письменно, пользование квартирой и машиной пока не считать разделом. Заказываем выписку по недвижимости и готовим перечень того, что нужно оценить. Публично ты ничего не доказываешь.

— А если он уже доказывает?

— Он имеет право говорить свою версию в пределах закона и договоров. Ты имеешь право не отвечать сегодня. Это право часто дороже хорошей реплики.

Инга передала мне проект соглашения на юридические услуги и счёт на шестьдесят тысяч рублей — аванс за первичный анализ, письма и переговоры. Дружба в документе не упоминалась. Я прочитала предмет, порядок согласований и условие о дополнительных расходах, подписала и оплатила со своего счёта.

Осталось четыреста двадцать две тысячи шестьсот рублей, если не считать обычных расходов последних двух дней. Я впервые увидела в цифре срок, хотя ещё не умела его посчитать.

— И поешь, — сказала Инга, убирая бумаги. — Это не юридическая рекомендация. Бесплатная часть консультации.

— Запиши в акт, иначе не поверю.

Она улыбнулась впервые за два часа.

Из офиса я вышла с электронной копией договора, перечнем запросов и запретом, который Инга сформулировала особенно ясно: не использовать в публичном ответе внутренние документы компании, пока мы не определим их статус.

На улице я снова открыла короткий фрагмент эфира. За полтора дня его перезалили десятки каналов. Самая популярная версия обрывалась на моей фразе «я узнала сейчас, вместе с вами» и сразу переходила к рекламе сервиса доставки цветов. В комментариях мне советовали отобрать у Сергея канал, написать книгу, простить его ради дочери, поху-

деть, выйти замуж за молодого и «наконец признаться, что всё это пиар».

Я закрыла комментарии и открыла контакты.

Андрей Лебедев значился там как «Лебедев, звук, конференция». Семь лет назад он со сцены усомнился, можно ли считать свободным согласие ребёнка, если от съёмки зависит семейный заработок. Я спорила. После панели один из гостей отказался от эфира, я перестроила программу, а Андрей помог звуковику и не стал продолжать спор за кулисами.

Его студия находилась у Электrozаводской. На сайте «Пятого дубля» были корпоративные подкасты, документальные ролики и телефон, который я могла набрать без посредников.

Он ответил сам.

— Лебедев.

— Андрей, это Марина Волкова. Мы встречались на конференции «Честный кадр».

— Помню. У вас гость ушёл за девять минут до эфира, а программа вышла вовремя.

— За одиннадцать.

— Значит, память уже улучшила вашу работу.

Его голос почти не изменился: спокойный, без привычного сочувственного понижения, которое я слышала последние полтора дня.

— Ты видел эфир?

— Да.

— Мне нужно записать ответ. Сегодня. Простая площадка, две камеры, суфлёр не нужен. С монтажом справимся за ночь.

— Кто «мы»?

Я посмотрела на стеклянную дверь юридической фирмы. Инга уже вернулась в кабинет.

— Я напишу. Твоя студия снимет.

— Это не «мы». И сегодня студия занята.

— Я оплачу срочность.

— За чей счёт?

— За свой.

— Тогда сначала нужно узнать смету, а потом обещать оплату. Я освобожусь в половине второго. Могу дать двадцать минут в кафе напротив студии.

Вежливого отказа я ожидала меньше, чем возражений Инги.

— Хорошо. В половине второго.

В дальнем углу кафе можно было разговаривать, хотя кофемолка включалась каждые несколько минут. Андрей пришёл в тёмной рубашке и рабочей куртке, заказал фильтр-кофе и спросил:

— Что должно измениться после ролика?

Я положила перед ним лист с наброском.

— Люди узнают, что я создавала канал вместе с Сергеем. Увидят подготовленный текст. Поймут, что развод не был со-

гласован. Я расскажу, сколько лет писала сценарии, как строились выпуски, кто на самом деле...

— Стоп. Последнюю фразу не договаривайте.

— Почему?

— Потому что я знаю её конец. «Кто на самом деле сделал его тем, кем он стал».

— Это правда.

— Может быть. Только ролик всё равно будет о нём.

Я отодвинула лист.

— Мне не нужна лекция об этике семейного контента. Ты её уже читал.

— Тогда вы были заказчиком и могли спорить. Сейчас вы хотите арендовать студию, чтобы ответить человеку в течение сорока восьми часов. Я объясняю, почему не возьму заказ.

— Боишься Сергея?

— Боюсь потратить смену на видео, у которого нет второго выпуска.

Он сказал это без вызова и отпил кофе. Я заметила, что он сидит правым ухом ко мне, а левым — к стене. На конференции делал так же, только тогда я решила, что он демонстративно отворачивается от шумного зала.

— Второй выпуск будет, если люди захотят продолжения.

— Продолжения чего? Вашего развода?

— Моей истории.

— Сейчас вы предлагаете историю Сергея, рассказанную

вашим голосом.

Я знала, как отвечать на жёсткий вопрос героя: повторить точнее, снизить давление, дать человеку конкретную опору. Когда вопрос задавали мне, профессиональные приёмы казались манипуляцией.

— А что ты предлагаешь?

— Пока ничего. Я не знаю, есть ли у вас проект.

— У меня двадцать три года брака, восемь лет канала и клип, который пересылают мне незнакомые люди.

— Это обстоятельства. Проект отвечает на вопрос, зачем зрителю смотреть следующий выпуск, когда Сергей перестанет быть новостью.

— Люди проходят через развод каждый день.

— И что вы хотите им показать?

Я открыла рот и не нашла готовой строки. За соседним столом женщина объясняла кому-то по видеосвязи, как отправить исправленное резюме. На экране её ноутбука была таблица с вакансиями. Она несколько раз повторила: «Нет, сначала сохрани отдельную копию».

— Что происходит после, — сказала я. — Не советы, как стать счастливой за десять шагов. Конкретные решения. Работа, деньги, жильё. Как человек делает первое действие, когда прежняя жизнь закончилась.

Андрей поставил чашку.

— Это уже тема.

— Женщины после развода?

— Возможно. Но если ограничиться разводом, вы снова останетесь внутри реакции на мужа. Бывают увольнение, закрытие бизнеса, болезнь, взрослая дочь, которая уходит из дома. Точка разная. Интересно то, что человек делает потом.

Я записала: «после».

— Студия может снять пилот?

— Может обсудить пилот. Решение принимаю не я один, и бесплатной поддержки у нас нет. Нужны формат, шесть тем, герой первого выпуска, аудитория и понимание, почему ведущая — вы.

— Я не ведущая.

— Тогда вы опять пишете слова для кого-то другого.

Он посмотрел на часы.

— У меня осталось четыре минуты. Завтра к шести пришлите одну страницу.

— Ты же сказал: шесть тем.

— Начните с одной идеи. В ней имя Сергея не должно прозвучать ни разу.

ГЛАВА 4. Последний день за кадром

Марина

К пяти часам вечера имя Сергея оставалось в моей заявке девять раз.

Я проверила поиском. В первой версии было двадцать три.

Андрей прислал утром пустую форму на одну страницу. Четыре вопроса: о чём проект, для кого, что происходит в каждом выпуске, почему зритель вернётся. Ни слова о моей биографии, просмотрах клипа и справедливости. Я заполнила форму за сорок минут, перечитала и обнаружила, что предлагаю сериал о человеке, которого обещала не называть.

«Женщины, которых мужья оставили после долгого брака...»

Удалить.

«Героини, чью работу присвоили более известные партнёры...»

Тоже удалить.

К половине шестого осталась фраза: «В каждом выпуске женщина после жизненного разрыва принимает одно измеримое решение: находит работу, отделяет деньги, меняет жильё, осваивает профессию, закрывает долг или заново уста-

навливает границы с семьёй».

Под ней я написала: «Проект начинается там, где обычно заканчивается чужая история».

Это уже можно было читать без пояснений. Хуже обстояло с названием. «Новая жизнь» занимала половину книжных обложек и рекламных кампаний. «С чистого листа» обещало, что старый лист кто-то любезно уничтожит. «Дальше сама» звучало как наказание.

Я вернулась к слову, записанному в кафе: «после».

В семнадцать пятьдесят три сохранила файл под названием «После точки» и отправила Андрею. Через семь минут получила автоматическую отметку о доставке, но ответа не было.

Зато пришло письмо из «Волков Медиа».

Руководитель HR Наталья Лапина сообщала, что моё уведомление о готовности выполнять работу получено. Доступ к внутренним системам временно ограничен «в связи с необходимостью защиты информации и урегулирования потенциального конфликта интересов». Для получения личных вещей и копий кадровых документов мне предлагали приехать одиннадцатого сентября в десять утра. Встреча — в сопровождении HR, вход по гостевому пропуску.

В приложении лежал проект соглашения о прекращении трудового договора.

Я переслала письмо Инге, файл не открыла и вернулась к заявке. До ночи составила шесть возможных тем, но в поло-

вине первого поймала себя на том, что третий раз переставляю одни и те же слова. Закрыла ноутбук, съела нормальный ужин и впервые после эфира проспала почти шесть часов.

Утром у входа в офис меня ждала Наталья. Раньше мы встречались на общих совещаниях: она отвечала за найм и дважды напоминала Сергею, что фраза «мы здесь одна семья» не заменяет правила переработок. Сегодня у неё в руках была папка и временная карта гостя.

— Марина Олеговна, до кабинета и обратно я должна пройти с вами. Это не моё личное решение.

— Я понимаю. Копии трудового договора, должностной инструкции и дополнительных соглашений готовы?

— То, что есть в кадровой системе, распечатали. По расчётам и премиям бухгалтерия даст ответ в течение трёх рабочих дней.

— Зафиксируем запрос сегодняшней датой.

Наталья открыла папку и показала лист регистрации обращения. Моя просьба уже стояла первой строкой. Я расписалась в получении копий, не подтверждая их полноту.

На гостевом пропуске не было фотографии, только имя и время выхода — до четырнадцати ноль-ноль. Турникет пропустил нас после того, как Наталья приложила свою карту.

В десять пятнадцать начиналась пятничная планёрка. Конференц-зал отделяла от коридора стеклянная стена, и по дороге к кабинету я увидела на большом экране таблицу выпуска. Слева темы, дальше герой, конфликт, проверяемые

факты, риск для участника, рекламная интеграция, запасной вопрос. Эту схему я собирала три года, пока команда не перестала приносить на планёрку набор красивых историй без источников.

За столом сидели Костя, Лена, редакторы и менеджер по рекламе. Сергей стоял у экрана. Моё место у торца заняла Алина; перед ней лежала стопка карточек, хотя на планёрках мы давно работали без бумаги.

Костя первым заметил меня за стеклом. Он сбился, называя номер камеры, и сразу посмотрел в ноутбук. Остальные повернулись следом. Сергей не прервал обсуждение.

— Риск для героя ставим после эмоциональной арки, — сказал он. — Сначала зритель должен понять, зачем смотреть.

В моей схеме риск стоял раньше. Если человек мог потерять работу, поссориться с ребёнком или получить новую волну травли, это меняло не только договор, но и сам вопрос. Я взялась за дверную ручку.

Наталья остановилась рядом, ничего не сказала.

Мне хватило секунды, чтобы представить, как войду, исправлю порядок колонок и попрошу у редакторов источники. Сергей отступит к экрану, потому что я быстрее разберу план. Алина снимет карточки с зажимов. Планёрка снова заработает.

Именно поэтому я отпустила ручку.

— Идёмте в кабинет, — сказала я.

Мой стол выглядел так, будто я вышла на обед. В стакане стояли ручки, рядом лежал ежедневник, на спинке кресла висел лёгкий кардиган. Компьютер был выключен, системный блок опечатан полоской с подписью сотрудника информационной безопасности и датой восьмого сентября.

Наталья положила на стол опись.

— Личные предметы можно забрать. Рабочие папки, накопители и записи по проектам остаются до определения статуса. Если есть спорная вещь, внесём отдельно.

Я достала из шкафа две профессиональные книги с моими пометками, запасные очки, кардиган, фотографию Дарьи с выпускного и маленький швейный набор. В ежедневнике были рабочие встречи, поэтому я оставила его на столе. Синий шнурок от пропуска лежал в сумке; пустой стакан для карты я тоже не взяла.

— Личная кружка? — спросила Наталья.

На белом боку было напечатано: «Редактор исправит и вашу реальность». Подарок команды на сорокалетие.

— Заберу.

Мы внесли шесть предметов в опись. Наталья сфотографировала открытые ящики до и после, я проверила кадры на её экране. Никаких тайных копий, никакой папки под пальто. Только картонная коробка, с которой сотрудница HR проводила меня по офису, где я проработала восемь лет.

У выхода из кабинета ждал Сергей.

— Наталья, оставь нас на пять минут.

— Я буду у двери, — ответила она. — Встреча проходит в моём сопровождении.

Он раздражённо посмотрел на папку у неё в руках, но спорить не стал.

— Ты уже видела заявление? — спросил он.

— Какое?

Сергей показал экран телефона. На странице канала была опубликована его фотография из юбилейного эфира и текст: «Мы с Мариной приняли решение завершить брак, сохранив уважение, родительство и общее профессиональное наследие. Марина берёт паузу, чтобы сосредоточиться на личных проектах. Команда продолжает работу над новым сезоном».

— Я не брала паузу и не согласовывала это.

— Там нет ничего, что причиняет тебе вред.

— Там снова есть моё решение, которое написал ты.

— Нужна была позиция канала. После твоего выхода из кадра рекламодатели задают вопросы.

— Позицию канала можно подписать каналом. Моё имя уберу из коллективного «мы».

— Сейчас удаление только усилит скандал.

— Тогда оставляй как доказательство, что первый раз не был случайностью.

Я переслала ссылку Инге. Сергей дождался, пока я уберу телефон.

— Проект соглашения разумный. Два оклада, отпускные, нейтральная запись об уходе. Отдельно — авторский дого-

вор на сто сорок тысяч в месяц. Четыре сценария и участие в редакции. Удалённо, без пересечений с Алиной.

— Моё имя будет в титрах?

— Марина, мы восемь лет не строили выпуск вокруг титров.

— Значит, нет.

— Ты получишь стабильный гонорар и сможешь переждать шум. Есть условие о неразглашении и взаимном отказе от публичных комментариев. Это защищает нас обоих.

— Я уже видела, как выглядит текст, который меня защищает.

— Не превращай рабочую сделку в продолжение ссоры.

— Я как раз разделяю. Условия прекращения договора обсудят юристы. Сценарии для тебя после увольнения я писать не буду.

— Почему? Из принципа?

— Потому что ты предлагаешь мне сохранить ровно ту роль, из которой решил меня вывести: я пишу, другая женщина говорит, ты остаёшься владельцем голоса.

— Канал принадлежит компании. Мы это уже выяснили?

— Да. Поэтому я не забираю канал.

Сергей посмотрел на коробку.

— А что ты собираешься делать?

— Работать.

— Где?

Два дня назад я стала бы объяснять. Назвала бы Андрея,

студию, тему и срок, чтобы Сергей понял, что я не пропаду. Теперь любая подробность казалась бесплатным редакционным материалом.

— Когда будет что сообщить, я решу сама.

Я подняла коробку. Наталья открыла дверь кабинета и пошла рядом со мной.

На обратном пути планёрка ещё продолжалась. На экране стоял вопрос: «Как сохранить семью после потери доверия?» Сергей вернулся в зал и занял место у доски. Я не услышала, кто предложил тему: стеклянная перегородка хорошо держала звук.

Костя поднялся, будто собирался выйти ко мне. Потом Лена спросила его о тайминге, и он сел. Я не знала, хотел ли он попрощаться, и не стала придумывать ответ за него.

Внизу Наталья забрала гостевую карту и передала мне пакет документов. Проект соглашения лежал отдельно, без подписи работодателя.

— Официальное предложение после согласования направим вашему представителю, — сказала она.

— До тех пор я остаюсь сотрудником и жду письменных рабочих поручений.

— Да. Руководство уведомлено.

На улице я поставила коробку на скамью и вызвала такси. Сообщение от Андрея пришло, когда машина уже подъехала:

«Название годится. Обещание понятно. Для встречи нуж-

ны шесть выпусков, первый герой, аудитория и бюджет. Суббота, 11:00, студия. Будет Жанна Орлова, совладелица. И приготовьтесь ответить, кто ведёт проект. Хорошая тема сама в кадр не сядет».

Дома я разложила кадровые документы на столе, проект увольнения отправила Инге и открыла заявку. В строке «Автор и ведущая» стояло только моё имя, но второе слово я удалила.

С шестью выпусками было легче, пока они оставались теми. Возвращение в профессию после долгого перерыва. Выход из семейного бизнеса. Первый личный бюджет после жизни с общим счётом. Переезд из квартиры, где выросли дети. Переобучение после пятидесяти. Отказ от роли человека, который круглосуточно решает чужие проблемы.

Потом Андрей потребовал бы героев, и красивые строчки пришлось бы заменить людьми, которым можно позвонить.

Я открыла старый список участников «Семьи вслух» и сразу закрыла. Даже если номера когда-то сохранялись в моём личном телефоне с их согласия, список собирала компания. Новый проект не мог начинаться с объяснения, почему я имею право пользоваться старой базой.

Вместо неё я пошла в открытые профессиональные сообщества и стала читать публикации за последние месяцы. Через час нашла пост Татьяны Викторовны Морозовой, сорока девяти лет. Семнадцать лет она управляла семейной типографией, после развода вышла из бизнеса и теперь запуска-

ла небольшую переплётную мастерскую. К посту была приложена фотография первого оплаченного заказа: пятьдесят папок для архитектурного бюро и счёт с закрытыми реквизитами. Никакой истории о неверном муже — станок, аренда, две сотрудницы и дата, когда мастерская впервые заработала свои деньги.

Я написала на публичный рабочий адрес. Представилась полностью, дала ссылку на фрагмент эфира только для объяснения, откуда она может знать моё имя, и описала будущий проект тремя предложениями. Отдельно добавила: предварительный разговор ни к чему её не обязывает, запись без письменного согласия не публикуется.

После этого вписала Татьяну в заявку как потенциальную, ещё не подтверждённую героиню. Остальные пять строк оставила без имён. За восемь лет я научилась отличать редакционный план от обещания, данного за другого человека.

Аудиторию сформулировала без рекламных слов: женщины старше тридцати пяти, которым после кризиса нужен наблюдаемый следующий шаг. Идеальное преобразование в обещание проекта не входило. В графе «результат выпуска» поставила примеры: отправленное резюме, отдельный счёт, подписанный договор аренды, первый оплаченный заказ, отказ от невыгодной семейной обязанности. Это уже походило на сезон. Сергей для этой конструкции оказался лишним.

До полуночи оно появлялось там ещё трижды. Я каждый раз убирала его и продолжала составлять темы.

ГЛАВА 5. Лицо проекта

Марина

У «Пятого дубля» не было вывески, которую хотелось сфотографировать.

На проходной бывшего промышленного здания мне выдали бумажный пропуск и объяснили, как найти третий корпус. Я прошла мимо мастерской мебели, склада светового оборудования и двери с предупреждением о лазерной резке. Студия занимала часть второго этажа. Название было напечатано на листе формата А4 и вставлено в прозрачный карман возле звонка.

Андрей открыл в одиннадцать ноль две.

— Вы пришли вовремя. Лифт — нет. Жанна поднимается пешком.

Он отступил, пропуская меня в узкий коридор. Справа находилась маленькая переговорная, слева — монтажная с двумя рабочими местами. Дальше были два павильона: один с белой циклорамой, второй с чёрными шторами, передвижными панелями и кухонным столом на колёсах. В углу стояли сложенные штативы, часть помечена цветной лентой.

— Оборудование в лизинге? — спросила я.

— Часть. Почему?

— Лента на штативах разная. Красная — ваша, синяя — арендованная или клиентская.

— Синяя — лизинг. Жёлтая — ремонтировать, но все почему-то продолжают брать.

Он снял со стойки штатив с жёлтой отметкой и переставил к двери технической комнаты.

— Экскурсия закончена. Глянца не будет.

— Я не за глянцем.

— Это мы сейчас проверим.

В переговорной уже лежали три распечатки моей заявки. На одной поля были исписаны мелким почерком Андрея. Вторая оставалась чистой. Третью принесла Жанна Орлова — женщина с короткой стрижкой, в светлом свитере и кроссовках. Она вошла без отдышки, положила рядом с бумагами планшет и представилась полностью:

— Жанна Петровна. Исполнительный продюсер, сорок процентов студии и человек, который спрашивает, где деньги.

— Марина Олеговна. Человек, у которого пока есть только девяносто тысяч на пилот.

Андрей сел у стены правым ухом ко мне.

— Уже честнее большинства питчей. Начинайте.

Я подключила ноутбук к экрану. Презентацию намеренно не делала: одна страница должна была выдержать разговор без фотографий плачущих женщин и диаграммы, обещающей всем рост.

— «После точки» — документальный видеопроект для женщин старше тридцати пяти. Каждый выпуск начинается

с уже случившегося разрыва и показывает одно решение, которое можно проверить. Героиня не рассказывает, как стала сильнее. Она отправляет резюме, открывает отдельный счёт, подписывает договор, получает первый заказ или отказывается от обязанности, которую выполняла из страха.

Жанна подняла ладонь.

— Кто зрительница? «Женщина старше тридцати пяти» — это двадцать лет разного опыта и дохода.

— Основная — от сорока до пятидесяти пяти. У неё есть профессия или опыт, но после развода, увольнения, закрытия дела или ухода взрослого ребёнка привычная система перестала работать. Ей не нужен призыв начать новую жизнь. Ей нужно увидеть, как другая женщина делает первый шаг без чудесного наследства и влиятельного мужчины.

— Платёжеспособность?

— Образование, профессиональные сервисы, банки, страхование, жильё, здоровье. Но интеграция должна помогать действию выпуска, а не продавать преобразование назло бывшему.

Жанна сделала отметку.

— Уже вижу, с кем мы поссоримся на первой встрече.

— С кем?

— Со всеми, кто принесёт вам курс похудения как символ нового начала.

— Тогда ссориться буду я.

— Пока у вас нет договора, ссоритесь бесплатно.

Андрей постучал пальцем по распечатке.

— Шесть выпусков.

Я вывела на экран таблицу. Выход из семейного бизнеса. Возвращение в профессию после перерыва. Первый личный бюджет. Переезд после взросления детей. Переобучение после пятидесяти. Отказ от постоянной роли спасателя в семье.

— Это темы, — сказал Андрей. — Где формат?

Я открыла следующий лист.

— Двадцать восемь — тридцать пять минут. В начале видим предмет или действие, которое можно проверить: ключи от мастерской, первое резюме, новый договор аренды, таблицу расходов. Потом героиня рассказывает, почему этого шага раньше не было. Мы не восстанавливаем всю биографию и не ищем виноватого на второе кресло. В финале возвращаемся к действию и показываем его цену: сколько времени, денег, отказов и помощи потребовалось.

— Где конфликт? — спросила Жанна.

— В решении. Отправить резюме после двадцати лет перерыва просто только в рекламном ролике. В жизни нужно выбрать вакансию, признать потерю статуса, переделать опыт под новый рынок и получить первые отказы. Мы показываем работу между «я решила» и результатом.

— А если результат плохой?

— Оставляем. Первый заказ может принести меньше расходов. Собеседование может закончиться отказом. Выпуск закрывается сделанным шагом, а не обязательной победой.

Андрей перелистнул распечатку.

— Проверка фактов?

— Документы видит редактор и юрист проекта. В кадре — только то, на что героиня дала отдельное согласие, с закрытыми реквизитами. Участие бывшего супруга не требуется, если мы не предъявляем к нему обвинения и не используем его материалы.

— Срок пилота?

— Двенадцать дней после утверждения концепции и героини, если документы готовы. После двух ночных смен подряд я теряю способность отличать сильную фразу от просто короткой, поэтому график строим без постоянного ночного монтажа.

Жанна впервые оторвалась от планшета.

— Человек, который сам запрещает себе бесплатные ночные смены, мне уже интересен.

Для каждого выпуска я прописала наблюдаемый результат. В первой строке стояла Татьяна Морозова и пометка: «Приглашение отправлено, согласия нет». В остальных — способ поиска через открытые профессиональные сообщества, общественные организации и самостоятельную заявку на сайте будущего проекта.

— Старую базу канала не используете? — спросила Жанна.

— Нет. Даже тех, с кем знакома лично, сначала отделяю от корпоративного контакта. Не хочу, чтобы первый же вы-

пуск пришлось защищать объяснениями о происхождении номера.

Андрей посмотрел на Жанну. Она едва заметно кивнула и перешла к следующему вопросу:

— Где будет выходить пилот?

— На новых страницах проекта. С оформлением, музыкой и структурой, которые не похожи на «Семью вслух».

— Аудитории там ноль.

— У меня есть публичное внимание после эфира. Я могу один раз направить его на новую страницу через личные аккаунты. Дальше проект либо удержит людей, либо нет.

— Личные аккаунты точно ваши? — спросил Андрей.

— Да. Инга проверит, что я не нарушаю трудовые и будущие договорённости. Корпоративные страницы не трогаю.

Жанна открыла на планшете смету.

— Теперь неприятная часть. Подготовка, редактор, одна съёмочная смена, площадка, техника, звук, монтаж, цвет, графика и запас на пересъёмку — четыреста двадцать тысяч. Это без гонорара известной ведущей и без платного продвижения.

Сумма не удивила. Я сама составляла сметы, только раньше окончательное решение принимал Сергей.

— Девяносто тысяч вношу после договора. Больше до урегулирования с работодателем и первой компенсации не могу.

— Остальное — риск студии, — сказала Жанна. — Деньги

и работа команды. Если появляется доход от пилота или контракт на продолжение, сначала возвращаем подтверждённые производственные расходы, потом делим по согласованной модели. Если дохода нет, мы не требуем с вас остаток как личный долг. Но второй выпуск бесплатно не снимаем.

— Формат и название остаются у меня.

— Если это будет записано, — ответил Андрей. — Студия получает право произвести и показать пилот в своём портфолио после релиза. Исходники храним у нас, использование личных фрагментов согласуем отдельно.

— Финальный монтаж?

— Обсудим право согласования. Абсолютное вето на всё делает производство неуправляемым.

— Абсолютное право студии делает неуправляемой мою жизнь.

— Поэтому и нужен договор, а не доверие после одного кофе.

Жанна посмотрела сначала на него, потом на меня.

— Хорошо. Права вы способны обсуждать ещё два часа. Сначала выясним, есть ли у проекта лицо.

Я листнула таблицу.

— Вести может журналистка с опытом интервью. У меня есть три кандидатуры из профессиональной среды.

— Они знают, что кандидатуры? — спросил Андрей.

— Нет. Поэтому имён в заявке нет.

— Известная ведущая добавит минимум двести тысяч и

может запросить долю, — сказала Жанна. — Неизвестную придётся отдельно объяснять зрителю. Почему не вы?

— Я автор и продюсер.

— Это должности. Вопрос был другой.

Я посмотрела на Андрея. Он не помог.

— Я не работала ведущей.

— Вас уже увидели в кадре, — сказал он. — И поверили одной фразе больше, чем подготовленному заявлению канала.

— Потому что фраза была про мой развод. Это не квалификация.

— Согласен. Поэтому сделаем тест.

Он отвёл меня во второй павильон. Техник включил два прибора мягкого света и поставил высокий стул на отметку. Камера стояла в четырёх метрах, рядом — монитор, повёрнутый к Андрею. Мне закрепили петличку и проверили уровень.

— Весь тест записываем для внутреннего просмотра, храним семь дней, наружу не передаём, — сказал техник. — Это есть в форме, которую вы подписали. Подтверждаете?

— Подтверждаю.

Меня попросили прочитать первые тридцать секунд заявки.

Суфлёра не было. Текст я знала.

— «После точки» — это истории женщин, которые после жизненного разрыва...

— Стоп, — сказал Андрей.

— Что со звуком?

— Со звуком нормально. Вы смотрите на монитор.

— Я проверяю кадр.

— Вы внутри кадра. Смотрите в объектив.

Я начала снова. На словах «первый шаг» услышала, как голос стал ниже: так я обозначила бы ведущему серьёзную мысль, если бы писала ремарку. Руки лежали на коленях слишком ровно. Я убрала их, тут же поняла, что не знаю куда, и взялась за край стула.

— Стоп, — повторил Андрей.

— Я успела сказать два предложения.

— Оба правильные. Ни одного вашего.

— Я сама их написала.

— В этом и проблема. Вы редактируете себя раньше, чем говорите.

Жанна стояла у монитора, скрестив руки.

— Спросите её без текста.

Андрей подошёл ближе к камере, но остался за объективом.

— Что вы сделали утром восьмого сентября?

— Проверила личные счета, документы и доступы.

— Почему?

— Потому что не знала, что Сергей успел решить без меня.

— Что из этого получит зритель?

— Порядок действий, который не заменяет юриста: сохранить документы, отделить личные доступы от рабочих, не подписывать на эмоциях и посчитать запас денег.

— Вот это можно записывать, — сказал он.

Красный индикатор камеры уже горел. Я не заметила, когда техник включил запись.

— Мы пишем с начала теста?

— Да, как договорились, — ответил Андрей. — Хотите остановить или удалить этот фрагмент?

— Покажите сначала.

На мониторе женщина в синем жакете первые двадцать секунд произносила хорошую рекламу чужого проекта. Потом Андрей задавал вопрос из-за камеры, и она начинала перечислять действия. Плечи остались напряжёнными, взгляд дважды уходил вправо, зато в голосе исчезла просьба считать её убедительной.

— Вырезать начало, и получится полезный ролик, — сказала Жанна. — Но проект не может состоять из случайно удачных ответов.

— Научусь.

Я произнесла это раньше, чем решила соглашаться.

Андрей остановил воспроизведение.

— Тогда ведущая — вы?

Стоимость вопроса была понятна. Ошибку нельзя будет отдать человеку в кресле и исправить на монтаже, сохранив собственную репутацию за кадром. Моё имя окажется не

только в договоре и титрах. Оно будет стоять рядом с каждым неудачным вопросом.

— Я буду вести пилот.

Жанна вернулась в переговорную и добавила к смете две подготовительные сессии. Общую сумму не увеличила: сократила запас на декоративное оформление.

— Будет проще выглядеть, — предупредила она.

— Пусть выглядит как студия, а не чужая гостиная.

До окончательного решения оставались три условия. Татьяна должна была согласиться хотя бы на предварительное интервью. Инга — проверить производственные условия. Я — подать электронное заявление на регистрацию ИП в понедельник; запись ожидалась в течение трёх рабочих дней при корректных документах.

Мы поставили в календарь предварительное интервью на вторник, пятнадцатое сентября, а пилотную съёмку — на четверг, семнадцатое. Если Татьяна откажется, дату интервью используем для кастинга, съёмку перенесём.

У двери Андрей вернул мне распечатку заявки.

— Для вступления нужен один факт, которого вы не хотите рассказывать.

— Про Сергея?

— Про вас.

— Я только что согласилась вести проект. Недостаточно?

— Это решение сейчас. Найдите момент, когда вы сами перестали быть честной перед аудиторией. Иначе получится

передача о правильных действиях других людей.

На полях рядом с названием он написал карандашом:
«Почему она имеет право спрашивать?»

Я сложила лист так, чтобы вопрос остался снаружи.

ГЛАВА 6. Дочь не обязана

Марина

Дарья предупредила, что зайдёт на сорок минут.

Я приготовила кофе, нарезала сыр, поставила на стол йогурт и убрала всё обратно в холодильник. Дочь приезжала за осенними вещами, учебниками и коробкой маркеров. Семейный завтрак в её планы не входил, а превращать еду в причину остаться было бы ещё одним способом не услышать ответ.

К полудню я разложила на столе заявку «После точки», смету и лист с вопросом Андрея. Последний накрыла чистой бумагой. Когда Дарья открыла дверь своим ключом, все документы убрала в папку.

До её приезда я трижды пыталась написать вступление к пилоту. Первое начиналось с прямого эфира и делало Сергея причиной каждого следующего предложения. Второе состояло из правильных слов о кризисе, выборе и новой опоре; его могла прочитать любая ведущая. В третьем я написала: «Я знаю цену чужой нечестности», — и остановилась. Андрей спрашивал о моей.

Единственный факт, который подходил под вопрос, я пока не решалась внести в файл. Он начинался не с юбилейного эфира. Дарье было тринадцать, она сидела на кухне перед камерой и отвечала на мои вопросы о панической атаке. Я

помнила, как проверяла звук, сокращала повторы и выбирала крупность. Слово «нет» в мои воспоминания не помещалось, хотя я знала, что оно было.

— Привет, — сказала она из прихожей. — Папа здесь был?

— Нет. Он написал, что заберёт остальное на неделе по согласованию.

— Хорошо.

На Дарье была та же толстовка, в которой она уезжала, только волосы теперь лежали на плечах. Она прошла в свою комнату и сразу достала из шкафа складную сумку. Я остановилась у двери.

— Помочь?

— Можешь снять коробку сверху.

Я принесла стремянку из кладовой и поставила обе ноги на пол, прежде чем тянуться к верхней полке. В коробке лежали альбомы, запас бумаги и набор маркеров, который мы подарили Дарье на прошлый день рождения. Она проверила крышку и поставила коробку возле сумки.

— Зимнюю куртку тоже заберёшь?

— Пока нет. У Лизы шкаф на двоих, там и так всё падает.

— Когда планируешь вернуться?

Дарья выпрямилась.

— Я говорила: не знаю.

— Да. Извини.

Она продолжила собирать книги. Я могла дождаться, по-

ка вещи закончатся, предложить такси и снова получить сообщение «доехала». Вместо этого принесла из кухни папку.

— Я хочу показать тебе одну страницу. Только если ты согласна.

— Про развод?

— Про новый проект.

— Уже?

Одно слово вместило всё, что писали в комментариях: расчёт, спешку, готовую монетизацию. Я положила папку на стол, не открывая.

— Андрей предложил сделать пилот. О людях, которые после кризиса принимают конкретное решение. Я согласилась вести.

— Тот продюсер из студии?

— Да.

— И ты хочешь снять выпуск про себя.

— В пилоте будет другая героиня. Я скажу только, почему задаю вопросы.

— Папа там будет?

— Нет. Ни его имя, ни эфир, ни наши семейные материалы мне для формата не нужны.

Дарья присела на край кровати.

— Тогда зачем показывать это мне?

Я подготовила три ответа. Хотела узнать её мнение как студентки визуальных коммуникаций. Хотела убедиться, что тема не задевает её границы. Хотела начать говорить честно.

Ни один не был полным.

— Я надеялась, что ты скажешь: это нормально. Что я имею право делать такой проект.

— То есть тебе нужна справка от дочери.

— Наверное.

Дарья достала телефон и открыла папку с запросами на переписку. Непрочитанные сообщения шли длинным списком. Несколько новостных каналов просили комментариев, два предлагали созвон, один обещал оплатить «эксклюзивную реакцию дочери». Незнакомая женщина спрашивала, давно ли я знала об Алине. Кто-то прислал фотографию отца у ресторана и потребовал подтвердить дату.

— Я ничего из этого не открываю, — сказала Дарья. — Только заголовки видно. Папин помощник прислал готовую фразу про уважение к обоим родителям. Ты пока фразу не прислала.

— И не пришлю.

— Сейчас ты собиралась показать проект. Это та же просьба, только длиннее.

Я не могла возразить. Если бы Дарья одобрила заявку, её согласие стало бы для меня способом пережить чужие обвинения, даже без публичной цитаты.

— Твой номер я никому не передавала и не передам, — сказала я. — Если хочешь, Инга объяснит, как зафиксировать назойливые запросы, но отвечать ты решаешь сама.

— Если понадобится, я сама найду юриста. Не твоего и

не папиного.

— Хорошо.

— Чтобы потом, если кто-то спросит, сказать, что Даша поддержала?

— Я не стала бы говорить без твоего разрешения.

— Но спросить разрешение собиралась.

Я села на стул у письменного стола. Папка осталась закрытой.

— Да.

Дарья потянула резинку с запястья и собрала волосы. Когда ей было тринадцать, она делала так же перед разговором, который хотела закончить быстрее взрослых.

— Мам, я не буду подтверждать, что ты хорошая. И что папа плохой тоже не буду. Вы оба восемь лет показывали нашу семью, а теперь каждый хочет получить правильную версию конца.

— Я не прошу говорить про папу.

— Ты просишь поставить печать на себе.

Я посмотрела на вопрос Андрея, проступавший через верхний лист: «Почему она имеет право спрашивать?»

— Хорошо. Не читай заявку. Я больше не попрошу тебя поддержать проект публично или лично.

— Лично я могу иметь мнение. Просто оно не обязано тебе понравиться.

— Согласна.

— И не говори, что проект никак со мной не связан. Ты же

будешь объяснять, почему имеешь право спрашивать людей.

Она увидела мой взгляд на бумагу и сняла верхний лист. Прочитала карандашную строку.

— Вот. Что ты ему ответишь?

— Пока не знаю.

— Знаешь.

Дарья вернула лист. Потом подошла к шкафу, достала с нижней полки старую синюю папку и положила рядом с моей новой.

Я узнала её по наклейке с логотипом «Семьи вслух». Внутри хранились согласия на съёмки, которые мы когда-то распечатывали для семейного архива. На верхнем лежал релиз семилетней давности. Подпись поставила я: Дарье было тринадцать.

— Ты сохранила копию?

— Нашла зимой, когда искала документы для института. Ты тогда сказала оставить всё в папке.

В релизе стояло название выпуска: «Экзамен на честность». Я помнила дату съёмки, два миллиона просмотров в первую неделю и письмо школьного психолога с благодарностью. Плохо помнила понедельник после публикации.

— Ты остановила первую запись, — сказала Дарья. — Я плакала после пробного экзамена и сказала, что не хочу в кадр. Через два месяца вы вернулись с другой идеей. Без самой панической атаки, только разговор на кухне.

— Да.

— Я снова сказала, что не хочу. Ты объяснила, что это поможет другим подросткам. Потом показала письма от подписчиков про похожие проблемы. Спрашивала ещё несколько раз, пока я не согласилась.

— Я дала тебе посмотреть монтаж до выхода.

— При папе, монтажёре и тебе. Все ждали. Я попросила убрать место, где у меня дрожит подбородок. Вы убрали три секунды.

Я вспомнила этот кадр. Мы спорили, не разрушит ли короткая склейка смысл ответа. Не вспомнила, чтобы спросила, хочет ли Дарья убрать весь ответ.

— После выпуска в школе что было?

— Ты правда не знаешь?

— Знаю про сообщения. Ты сказала, что справляешься.

— Мне присылали скриншоты моего лица и спрашивали, когда новый сезон нервного срыва. Классная руководительница пригласила поговорить о нагрузке, потому что решила, что знает про меня всё. Я три недели обедала в библиотеке. А дома вы радовались письмам от тех, кому видео помогло.

Я могла сказать, что не видела большей части сообщений. Что Дарья скрыла библиотеку. Что психолог действительно использовал выпуск в работе. Все эти факты существовали и ни один не отменял моего решения.

— Я разрешила опубликовать твои слёзы после того, как ты отказалась, — сказала я. — Потом убеждала, пока ты не согласилась. Мне было сорок лет, тебе тринадцать. Я отве-

чала за выбор. Прости меня.

Дарья долго складывала ремень сумки, хотя он уже лежал ровно.

— Ты сейчас это говоришь, потому что продюсер задал вопрос?

— Вопрос заставил меня перестать обходить ответ. Но говорю я тебе, потому что сделала это с тобой.

— Я не могу сразу сказать, что всё нормально.

— Не говори.

— И не жди, что я выйду в твой пилот и подтвержу эту историю.

— Не выйдешь. Этого эпизода в пилоте тоже не будет без твоего отдельного согласия.

— Я его не даю.

— Значит, не будет.

Я открыла чистую страницу блокнота.

— Давай зафиксируем, что я не использую. Чтобы потом не решить за тебя, что имелось в виду.

Дарья сначала усмехнулась, но перечислила. Старые детские видео и фотографии, которые не опубликованы. Переписку после эфира. Её жизнь у Лизы. Подозрения об отце. Любые фразы в поддержку матери или против отца. Я записала дословно и передала ей страницу.

— Это пока между нами, — сказала она. — Не юридический документ.

— Да. Если понадобится что-то официальное, у тебя будет

отдельный юрист, не Инга.

— До официального ещё дожить надо.

Она сфотографировала страницу своим телефоном. Оригинал я вырвала и отдала ей.

Сорок минут давно закончились. Дарья собрала сумку и коробку, я помогла донести их до лифта.

— Кофе внизу? — спросила я. — Двадцать минут, и я не показываю заявку.

— Пятнадцать.

В кафе у окна было свободно, но мы сели глубже в зале, чтобы прохожие не заглядывали на стол. Дарья заказала какао и сырники. Я — суп, потому что обещала Инге есть, а собственных правил у меня пока получалось меньше.

— Ты правда будешь ведущей? — спросила дочь.

— Попробую пилот.

— Ты всегда говорила, что ведущий не должен становиться главнее героя.

— Поэтому и боялась. Андрей говорит, что без лица проект не работает.

— Лицо и главная героиня — разные вещи.

— Это профессиональное мнение?

— Это мнение человека, который восемь лет видел, как папино лицо становилось важнее всех.

Я приняла поправку.

— Сколько ты вкладываешь? — спросила она.

— До девяноста тысяч после договора. Остальное рискует

студия. У меня остаются деньги на обычные расходы и юриста.

— Папа знает?

— Нет.

— Хорошо.

Это не было поддержкой проекта. Только одобрением того, что Сергей не получил новую заявку раньше команды.

У выхода Дарья сама коротко обняла меня. Сумку и коробку понесла без помощи.

— Я напишу, когда решу вернуться, — сказала она. — Не спрашивай каждый день.

— Хорошо.

— И не делай из сегодняшнего разговора счастливый финал.

— Не буду.

После её ухода я осталась в кафе и позвонила Андрею. Он ответил на фоне ровного гула — кажется, в студии работала вентиляция.

— У вас смена?

— Корпоративная запись до шести. Что случилось?

— В условия проекта нужно добавить отдельное согласие на каждый личный эпизод. Общий релиз на участие не даёт права использовать всё, что человек рассказал или принёс. Финальный перечень фрагментов согласовывается перед публикацией.

— Срок отзыва?

Я ожидала спора о монтаже и дедлайнах. Вместо него получила вопрос.

— До утверждения финальной версии. После публикации удалить все копии мы гарантировать не можем, это тоже пишем прямо.

— Если герой отзывает ключевой фрагмент за день до выхода, пересборка за счёт производства?

— Первый раз — да, закладываем резерв. Если меняет согласованное решение повторно, переносим выпуск или отдельно утверждаем расходы. Но не удерживаем фрагмент угрозой денег.

— Пришлите формулировку Инге и нашему юристу. Возражений нет. На ваше вступление правило тоже распространяется.

— Да.

— Тогда тестовую запись удаляем сегодня по истечении задачи или оставляем до семи дней?

— Удаляем. Она больше не нужна.

— Сделаем.

Он не спросил, почему условие понадобилось в воскресенье, и не пытался получить личный рассказ в обмен на согласие. Я записала это рядом с его вопросом на полях.

Письмо Татьяны Морозовой пришло, когда я формулировала пункт для юристов.

«Марина Олеговна, готова приехать пятнадцатого на предварительный разговор. Только хочу заранее понимать:

если во время беседы решу, что это слишком личное, мы сможем остановиться без публикации?»

Я ответила: «Да. Предварительный разговор не публикуется без отдельного письменного согласия. Остановиться можно в любой момент».

После отправки открыла календарь и перевела встречу пятнадцатого из условной в подтверждённую.

До предварительного интервью оставалось меньше двух суток. Теперь оно начиналось с права Татьяны остановить запись и уйти.

ГЛАВА 7. Запас в восемь недель

Андрей

По кассовому плану студия заканчивалась девятого ноября.

Жанна вывела таблицу на большой экран и убрала звук уведомлений на планшете. В переговорной гудела вентиляция. Частота была низкой, правое ухо почти перестало её замечать, в левом поверх гула держался обычный тонкий звон. Я вынул индивидуальный вкладыш, протёр и вернул на место.

— Если два клиента платят по сроку, — сказала Жанна, — зарплату и лизинг закрываем восемь недель. Дальше либо новый контракт, либо сокращения. К концу декабря прогнозный разрыв — три миллиона восемьсот тысяч.

— Оба клиента подписали акты.

— Подписанный акт не равен деньгам на счёте.

Постоянные расходы «Пятого дубля» держались около шестисот пятидесяти тысяч в месяц. Пять человек в штате, лизинг, аренда, связь, страховка оборудования. Мы могли перенести покупку света, отказаться от моей выплаты и взять ещё три ночные смены. Это давало время, но не новый доход.

— Корпоративный тендер ответит в пятницу, — сказал я.

— Или не ответит. Образовательный сервис торгуется

третий месяц. На «После точки» ты ставишь триста тридцать тысяч нашей работы и расходов. Объясни ещё раз зачем.

— Пилот можно продать как серию. У Марины есть внимание аудитории и готовый формат.

— Внимание к разводу. Формат мы сегодня только проверяем.

— Поэтому один пилот.

Жанна закрыла одну вкладку и открыла протокол условий. Юристы уже внесли правки Марины: право на название и формат оставалось у неё; студия получала лицензию на производство пилота и право показать опубликованный выпуск в портфолио; личные фрагменты согласовывались отдельным перечнем. Девяносто тысяч Марина перечисляла после регистрации ИП и подписания полного договора. До этого мы фиксировали решения протоколом, а внутренние расходы не превращали в её личный долг.

— Она знает про восемь недель? — спросила Жанна.

— Знает, что второй бесплатной попытки не будет.

— Я спросила другое.

— Нет.

— Почему?

Я мог сказать, что кассовый план студии её не касается. Формально так и было: Марина не отвечала по нашим обязательствам и не получала долю в компании. Но если пилот становился ставкой на сохранение команды, риск начинал влиять на творческие решения.

— Сегодня выясним, можно ли с ней снимать, — сказал я. — Если нельзя, незачем перекладывать на неё наши счета.

— А если можно?

— Тогда скажем до следующего финансового решения.

Жанна оставила паузу. Я слышал, как за стеной техник проверяет радиопетличку: «раз, два, ткань, раз». Потом она поставила в таблице жёлтую отметку рядом с пилотом.

— До следующего решения, — повторила она. — Не после.

В одиннадцать двадцать Марина прислала подтверждение, что электронное заявление на регистрацию ИП принято. Результата ещё не было. К письму она приложила три варианта вступления и новую редакцию пункта о согласии.

Я открыл звуковые заметки, которые она записала на телефон. В первом варианте голос становился медленнее на словах «сорок пять лет» и «прямой эфир». Во втором все предложения были одинаковой длины. Третий мог прочитать диктор банка, меняя только название продукта.

Я ничего не ответил. До интервью оставалось сорок минут.

Татьяна Морозова пришла в двенадцать без пяти с холщовой сумкой и тубусом для чертежей. Вместо чертежей внутри оказались образцы переплётного картона и две готовые папки. Она поставила их на стол и сразу предупредила:

— Бывшего мужа обсуждать не буду. Раздел имущества закрыт, фамилию типографии не называем.

— Запишем в ограничения, — сказала Марина. — Сегодня вообще можно ничего не записывать. Предварительная беседа нужна, чтобы понять тему.

— Письмо у меня сохранено.

Татьяна достала распечатку переписки. Хороший признак. Человек, который хранит обещание другой стороны, меньше надеется на её порядочность.

Жанна объяснила порядок. Сначала двадцать минут без камеры. Потом, если Татьяна согласится, техническая запись одним общим планом, только для команды. Хранение семь дней, публикация запрещена. Остановиться можно в любой момент. Перед съёмкой пилота — отдельный договор, гонорар, список материалов и согласование личных фрагментов.

Татьяна прочитала форму, спросила, кто увидит тест, и вычеркнула формулировку «иные привлечённые специалисты». Мы заменили её на конкретный список: продюсер, автор-ведущая, монтажёр и юрист. После этого она подписала согласие на техническую запись.

В малом павильоне я поставил один общий план и два микрофона. Для предварительного разговора больше не требовалось. Марина села напротив Татьяны, но развернула стул на двадцать градусов, чтобы беседа не выглядела допросом. Татьяна положила ладонь на одну из папок. Ногти короткие, на указательном пальце след синей краски.

— Начинаем? — спросил я.

— Да, — ответили обе.

Первые пять минут шли чисто. Марина спросила про помещение мастерской, первый заказ и двух сотрудниц, которые ушли вместе с Татьяной из типографии. Татьяна отвечала коротко, зато каждый ответ содержал действие. Нашла объявление об аренде. Взяла подержанный пресс. Попросила у архитектурного бюро аванс на материалы. Первые пятьдесят папок они собирали четыре дня и заработали меньше, чем рассчитывали.

Марина не перебивала. Помечала числа и возвращалась к ним следующим вопросом. Я вспомнил конференцию семилетней давности: гость ушёл, эфирный план рассыпался, а она за одиннадцать минут переставила блоки так, что зритель не заметил отсутствия человека. Тогда я решил, что она умеет обращаться только со структурой. Сейчас она слышала ответы.

На шестой минуте Марина посмотрела в свои записи.

— Когда вы поняли, что муж считает типографию своей, а вашу работу — помощью?

Указательный палец Татьяны перестал двигаться по краю папки. Изменился и голос: исчезли окончания фраз.

— Я такого не говорила.

— Вы семнадцать лет управляли производством, но доля...

— Доля у меня была. Я её продала по соглашению. Если вам нужен мужчина, который украл мой труд, я не подхожу. Марина закрыла блокнот.

— Стоп запись.

Я отключил дорожки и поднял ладонь оператору. Красный индикатор погас.

Можно было сделать перерыв, увести Марину и подсказать другой порядок. Я остался на месте. Исправлять вопрос должна была она.

— Татьяна Викторовна, извините, — сказала Марина. — Я подставила в вашу историю свою. Вы заранее запретили обсуждать бывшего мужа, а я обошла запрет другой формулировкой.

Татьяна сняла микрофон с лацкана, но держала в руке.

— Вот именно.

— Мы удалим этот фрагмент сейчас. Вы можете уйти. Если захотите продолжить, начнём без камеры и без вопросов о браке. Решение не нужно принимать при нас.

Марина не добавила, сколько стоит сорванная смена и как важен пилот. Татьяна посмотрела на Жанну, потом на меня.

— Удалите при мне.

Я вынул карту, открыл файл на ноутбуке и показал имя, длительность и резервную копию на рекордере. Удалил обе записи, затем очистил папку временных файлов. Татьяна проследила за экраном.

— Совсем без записи поговорим? — спросила Марина.

— Десять минут.

Мы оставили микрофоны на столе выключенными. Техник вышел. Жанна села у двери, я — возле рекордера, что-

бы никому не пришлось гадать, работает ли он. Экран был погашен.

Марина отложила блокнот.

— Какой предмет вы первым купили именно для своей мастерской?

— Пресс. Старый, тяжёлый и с трещиной на ручке.

— Почему его?

— Новый стоил в четыре раза дороже. А этот можно было забрать сразу.

— Что пришлось сделать, чтобы он заработал?

Татьяна рассказала про мастера из Подольска, замену втулки и первую испорченную обложку. Через три минуты она снова открыла папку. Через семь показала, как выбирает ткань для корешка. Марина спросила разрешение записать только руки и объяснение технологии на телефон Татьяны, чтобы та сама сохранила файл. Татьяна согласилась и передала ей устройство уже с включённой камерой.

Десять минут закончились, но Татьяна продолжала говорить. Марина не воспользовалась этим как молчаливым продолжением.

— Время, — напомнила она. — Останавливаемся или вы готовы обсудить пилот?

— Обсудим. Бывшего мужа в нём нет.

— Нет.

— И не делаете из первого заказа победу. Мы на нём почти ничего не заработали.

— Покажем расчёт, если вы разрешите. Зрителю важна цена первого шага.

Татьяна надела микрофон обратно сама.

Вторая запись длилась двадцать семь минут. Марина начала с подержанного пресса. Потом перешла к аренде, авансу и двум сотрудницам. Когда Татьяна сказала «мы ушли вместе», Марина уточнила, кто кого пригласил и на каких условиях. Выяснилось, что одна сотрудница работает по трудовому договору, вторая пока по срочному гражданскому договору на упаковку заказов. Это меняло красивую версию про женскую команду, и Марина оставила изменение в разговоре.

После теста Татьяна согласилась на пилот при четырёх условиях: не называть прежнюю типографию, не показывать соглашение о разделе, согласовать документы в кадре и оставить за ней право снять личный фрагмент до финальной версии. Жанна внесла пункты в протокол. Полный договор героини готовили к съёмке; сегодняшняя запись оставалась внутренней и уничтожалась после решения о пилоте либо через семь дней.

Когда Татьяна ушла, Марина собрала со стола образцы картона, которые та разрешила оставить до четверга. Она сложила их по плотности, не по цвету.

— Первый вопрос был плохим, — сказала она.

— Был.

— Вы могли остановить раньше.

— Мог. Но тогда я бы проверил себя, а не вас.

— Удобная педагогика за деньги студии.

— Деньги студии проверяет Жанна. Я проверяю, можно ли с вами работать.

Жанна подняла голову от протокола.

— И?

Я посмотрел на пустую дорожку первой записи и на двадцать семь минут второй. Марина допустила ошибку, признала источник, отдала героине право уйти и собрала разговор заново. Для пилота это значило больше, чем безупречный список вопросов.

— Можно.

Мы с Мариной подписали протокол согласованных условий; от студии подпись ставил я как управляющий партнёр. Он фиксировал бюджет, будущий вклад Марины, права на формат, лицензию студии, порядок согласия героев и дату полного договора после регистрации ИП. Жанна отдельно завизировала внутреннюю смету, открыла производственный календарь и закрепила за пилотом павильон, монтажёра, технику и съёмочную смену семнадцатого сентября.

С этого момента проект стоил студии денег, даже если ни один выпуск не выйдет.

Марина отправила протокол Инге и показала подтверждение подачи на ИП. Потом открыла три вступления.

— Первое вы уже слышали. Второе без эфира. Третье про мою работу.

— Все три написаны для человека, который боится ошибиться в кадре.

— Я и есть этот человек.

— Тогда скажите это без правильного вывода.

Она перечитала первую строку и убрала листы в папку.

— До четверга найду.

Я мог в этот момент сказать про девятое ноября. Объяснить, что её пилот стал одной из ставок на пять зарплат и оборудование, за которое я отвечал личным поручительством. Она имела бы возможность отказаться или потребовать другие условия до полного договора.

Я решил дожидаться пилота. Хотел сначала получить готовый производственный план и шанс на контракт, а до тех пор оставить тревогу внутри студии. Полезным я называл именно это.

До съёмки оставалось два дня. В календаре уже были павильон, команда и техника. Только строка вступления оставалась пустой.

ГЛАВА 8. Первый дубль

Марина

Лист записи ЕГРИП пришёл в восемь сорок две, когда я в третий раз проверяла сумку перед выходом.

Паспорт лежал в боковом кармане. Зарядка — рядом. Серый жакет, в котором я собиралась сниматься, был на мне. Я всё равно раскрыла сумку ещё раз, будто налоговая могла прислать регистрацию, но забрать взамен один из документов.

В письме было две строки и вложение. Я открыла его на ноутбуке, сверила фамилию, адрес и основной вид деятельности. Потом переслала Инге и Жанне.

Инга ответила через семь минут: «Данные верные. Юрист студии вносит ОГРНИП. До моей отметки ничего не подписывай».

В студию я приехала к десяти. В малом кабинете рядом с бухгалтерией уже лежал договор: двадцать три страницы, приложение с бюджетом, лицензия на производство пилота, порядок хранения исходников и отдельный перечень личных фрагментов. В графе о формате стояло моё имя. Не «совместная разработка сторон», которую я вычеркнула два дня назад, и не привычное безличное «правообладатель».

Инга проверяла документ по видеосвязи. Жанна перелистывала свою копию и называла номера пунктов. Андрей си-

дел у стены, не вмешиваясь, пока речь шла о правах.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.